

Глава 50. Всё не так просто

Чу Суй с самого детства усвоил одно незыблемое правило: он мог стерпеть что угодно, кроме убытков и поражений. Если бы этот Капе не оказался таким «хрустальным» и не свалился в обморок от первого же удара, Повелитель наверняка дошёл бы до ближайшей клумбы, подобрал ещё один увесистый обломок и продолжил бы воспитательную работу.

Конвойные замерли в полнейшем оцепенении. Самец, которого они должны были доставить в штаб в целости и сохранности, лежал у их ног без чувств — как теперь за это оправдываться перед начальством? А-Но бросил на Капе мимолётный взгляд и, заметив едва уловимое движение грудной клетки, сухо обронил:

— Он жив. Везите его прямиком в допросную.

Солдатам оставалось лишь подчиниться:

— Есть, господин генерал!

Чу Суй всё ещё считал, что один кирпич по голове — это слишком дешёвое искупительное средство для такой сволочи, как Капе. А-Но, словно прочитав его мысли, под прикрытием широкого рукава незаметно взял мужа за руку и мягко сжал его ладонь.

— Он оскорбил вас, — негромко произнёс генерал так, чтобы слышал только его супруг. — И он обязательно заплатит за это сполна.

Юноша лишь скептически хмыкнул. Он уже успел изучить насквозь эти дырявые имперские законы. Опершись на плечо А-Но, он попытался выпрямиться, и только в этот момент осознал, насколько сильно изранено его тело. Места, по которым прошлась плеть, горели огнём, превращая каждое движение в пытку.

«Если Капе выйдет сухим из воды, я лично подкараулю его в тёмном переулке с мешком наперевес, — мрачно подумал он. — Раз уж самцам закон не писан, посмотрим, кто из нас окажется хитрее»

Когда они вернулись домой на военном флаере, ночь уже перевалила за середину. Измотанный и опустошенный, Чу Суй заставил себя проглотить несколько ложек еды и рухнул в постель. Однако сон не шёл. Генерал, чутко следивший за каждым его движением, заметил, как муж ворочается с боку на бок. А-Но бесшумно поднялся и зажёл ночник.

— Вам нездоровится? — негромко спросил он.

Чу Суй помедлил, не зная, как ответить, но в итоге лишь качнул головой.

Собеседник не стал настаивать на расспросах. Его взгляд задержался на марлевых повязках, пропитавшихся лекарствами. Опустившись на колени у края кровати, он принялся медленно развязывать фиксирующие узлы. Свет лампы мягко ложился на его лицо и плечи, придавая бледной коже нежное, почти нефритовое сияние.

— Раны под повязками могут зудеть и причинять боль, — тихо пояснил он. — Если их открыть, процесс заживления пойдет быстрее.

Судя по уверенным движениям, опыта в подобных делах ему было не занимать.

Чу Суй молча наблюдал за ним, а затем, приподнявшись на локтях, позволил супругу слой за слоем снять бинты. Возможно, из-за того, что кожа Повелителя никогда не знала тяжёлого труда, багровый след от плети выглядел на ней пугающе ярко — плоть вокруг раны заметно припухла и воспалилась.

А-Но нерешительно протянул руку, словно желая коснуться повреждённой кожи, но в последний момент одёрнул пальцы. Он отчётливо помнил, что военный врач использовал лучшие восстанавливающие препараты, которые обычно справлялись с подобным за считанные часы. Однако по какой-то причине состояние Чу Суя не улучшалось.

Решив, что дозировка была недостаточной, А-Но засобирался:

— Подождите минуту, я принесу аптечку.

Он уже хотел встать, но муж крепко перехватил его за запястье.

— Не нужно.

Чу Суй хотел было сказать, что он человек и лекарства инсектоидов на него попросту не действуют, но вовремя прикусил язык.

— Моя конституция отличается от вашей, — лишь бросил он.

Генерал замер, после чего медленно опустился обратно на край постели. Он долго не мог отвести взгляда от раны на спине супруга, словно этот след от плети был для него страшнее, чем раздробленные кости, которые он сам получал на полях сражений.

Помогши Чу Сую лечь поудобнее, А-Но погасил свет. Спустя долгое время в вязкой тишине раздался его тихий голос:

— Вам очень больно?

Повелитель замер, взглядываясь в темноту, и наконец тихо ответил:

— Нет. Совсем не больно.

Ему действительно не было больно.

Просто...

Просто он вдруг невыносимо соскучился по дому.

В памяти всплыл эпизод из глубокого детства: он ввязался в драку, и мать, увидев его в синяках и ссадинах, бросилась к нему с плачем. Она обнимала его, причитая и ругая за безрассудство, а слёзы градом катились по её лицу, обжигая его плечо. Чу Суй тогда лишь сердито вытирал кровь из-под носа рукавом, сгорая от желания вернуться и поквитаться с обидчиками.

Ему казалось, что всё это давно стёрлось, былшем поросло, но нет — он помнил каждое мгновение.

Людей, события и ту далёкую планету, которой больше не существовало в этом мире.

Чу Суй нащупал на шее цепочку и расстёг замок. Стекланный шарик, висевший на ней, даже в темноте сохранял едва уловимое, прозрачное мерцание. Пальцы скользили по едва заметным выступам на поверхности — ему не нужно было смотреть, чтобы знать, как выглядит этот крохотный макет его родного мира.

Зная, что А-Но не спит, он дважды обернул цепочку вокруг запястья и спросил:

— Почему ты подарил мне именно это?

Генерал обернулся к нему, и в полумраке комнаты был виден лишь его нечёткий силуэт.

— Я надеялся, что вам понравится...

А-Но не раз замечал, как Чу Суй ищет в сети упоминания о Ланьсин. Это не было праздным любопытством или минутным увлечением; каждый раз, натываясь на редкие изображения или тексты, Повелитель надолго впадал в странное оцепенение.

— Считаю, что угадал, — отозвался Чу Суй.

В его голосе сквозила странная смесь чувств: болезненная привязанность и нежелание

ворошить прошлое, к которому больше нет пути.

Он не просто переехал из одной страны в другую — он сменил не только биологический вид, но и саму эпоху, оказавшись в мире, отделённом от его реальности миллионами лет забвения.

Чу Суй до сих пор помнил тот ледяной ужас, который охватил его в первые дни после перемещения. Это была не паника и не растерянность, а беспросветное, выжигающее душу отчаяние. Земля, на которой он вырос, стала лишь строчкой в древних хрониках, а ему самому предстояло как-то выживать среди существ, которых он считал насекомыми.

Юноша вёл себя крайне осторожно, боясь выдать свою инаковость. Судьба сыграла с ним злую шутку, лишив всякой надежды.

Он хотел домой, но этот путь был закрыт навсегда. И дело было не в расстоянии, а в бездне времени, которую невозможно преодолеть за одну жизнь.

— Это был ваш дом? — внезапно спросил А-Но.

Его голос звучал спокойно и сочувственно, словно речь шла о самой обычной вещи. Рука Чу Суя дрогнула, и кулон с тихим звоном соскользнул на простыню, удерживаемый лишь тонкой цепочкой на запястье.

Воздух в комнате, казалось, стал гуще.

— С чего такие мысли? — Чу Суй невольно затаил дыхание.

— Когда я нашёл вас в пустошах и привёз в госпиталь, — тихо ответил А-Но, — вы в бреду постоянно спрашивали врачей, где находится Ланьсин.

Юноша вспомнил тот период лишь смутными обрывками. Армия нашла его в диких землях, но из-за сильного жара он тогда почти ничего не соображал.

— Так это ты меня нашёл?

Собеседник едва заметно кивнул.

— Я командовал подразделением, проводившим учения в том секторе. Мы не ожидали встретить там живую душу, а уж тем более — вас.

Обнаружить в безлюдной глуши драгоценного самца само по себе было чудом. К тому же внешность Чу Суя была совершенно нетипичной: во всей Империи невозможно было найти

другого обладателя столь иссиня-чёрных волос и глаз такого же глубокого цвета. Его вполне могли принять за представителя иной расы.

А-Но прикрыл глаза, воскрешая в памяти ту первую встречу.

После долгого скитания по диким лесам Чу Суй выглядел жалко: изорванная одежда, грязь и бесчисленные царапины от ветвей. Сквозь слой пыли едва угадывались черты его лица, и при нём не было ни одного документа, который мог бы пролить свет на его личность.

Природа брала своё: воительницы, участвовавшие в походе, пришли в небывалое возбуждение от находки. А-Но, как старший по званию, составил официальный рапорт, не выказав внешне никаких эмоций.

Хотя даже его верный адъютант Фэйди не мог скрыть любопытства и то и дело украдкой поглядывал на спасённого незнакомца.

По пути в столицу Повелитель впал в беспамятство — его терзал сильнейший жар. Из-за хрупкости организмов самцов А-Но не рискнул применять сильные препараты и лично следил за состоянием пациента, фиксируя каждое изменение температуры.

В один из таких моментов Чу Суй пришёл в себя. Сознание его было спутанным, горло саднило, а зрение отказывалось фокусироваться. Заметив рядом чью-то фигуру, он, движимый инстинктом самосохранения, из последних сил вцепился в рукав А-Но.

— Воды... — едва слышно прохрипел он.

Болезнь лишила его глаза привычного блеска, и он, задыхаясь, повторил:

— Воды... пить...

Генерал, занятый заполнением журнала, вздрогнул от неожиданности. Перо сорвалось, оставив на бумаге косую чернильную кляксу. Он перевёл взгляд на пальцы, сжимавшие его китель, и, осторожно высвободив руку, встал, чтобы налить воды.

Самцы считались высшими существами. А-Но смотрел на измождённого Чу Суя и понимал: как только они достигнут столицы, жизнь этого несчастного изменится до неузнаваемости.

К лучшему или к худшему — сказать было сложно, но опыт подсказывал второе.

Генерал бережно приподнял голову мужа. Белоснежная перчатка коснулась грязной одежды и тут же покрылась бурыми пятнами земли. Помедлив секунду, он поднёс стакан к его губам.

Сухие, потрескавшиеся губы жадно припали к живительной влаге, хотя в лице Повелителя по-прежнему не было ни кровинки. А-Но уже собирался отстраниться, когда услышал невнятный шёпот:

— Спасибо...

Собеседник замер.

«Спасибо?»

А-Но медленно поставил стакан на стол.

«Это не только первый в моей жизни самец с чёрными волосами, — подумал он, — но и единственный, кто знает слово „благодарность“»

Позже, уже в медицинском центре, придя в себя после кризиса, Чу Суй впал в настоящую истерику. Он изводил персонал вопросами о каких-то странных местах: сначала о провинции Икс, потом о Китае и, наконец, о Ланьсин. Но на всё получал один и тот же ответ — таких мест не существует.

Сначала он бушевал и крушил всё вокруг, но затем внезапно затих. Словно осознав некую страшную истину, он перестал задавать вопросы.

Совсем.

Сотрудники архивов раз за разом проверяли базы данных, но не находили о нём ни единого упоминания. Сам он называл только своё имя — Чу Суй, утверждая, что больше ничего не помнит.

А потом А-Но стал его супругом.

Мысли вернулись в настоящее. В комнате по-прежнему царил полумрак, лишь тени от деревьев плясали на занавесках. Вспоминая прошлое, А-Но ощущал странное покалывание в груди. Он осознал, что слишком долго молчал, и, подняв взгляд, обнаружил, что муж внимательно наблюдает за ним.

— Повелитель... — тихо позвал он.

Чу Суй отозвался лёгким касанием: его пальцы скользнули по скуле супруга, а затем осторожно потербели мочку уха. Кулон на запястье случайно задел шею генерала, обдав её мимолётным холодом.

— Теперь понятно, почему именно ты стал моим супругом, — пробормотал Чу Суй, словно рассуждая вслух.

А-Но напрягся, боясь, что тот заподозрил неладное. Он уже начал подбирать оправдания, когда Повелитель спросил:

— Знаешь, почему?

Собеседник покачал головой, не в силах вымолвить ни слова.

— У меня на родине, — усмехнулся Чу Суй, — за спасение жизни принято платить собой.

Генерал на мгновение лишился дара речи, а затем его губ коснулась едва заметная улыбка. Он перехватил руку мужа и тихо ответил:

— Что ж, значит, так тому и быть.

— Именно так, — подтвердил Повелитель.

Он слишком долго хранил эту тайну в одиночестве, боясь прослыть безумцем или чужаком. Теперь, когда супруг фактически прикоснулся к его правде, Чу Суй почувствовал, как с его плеч свалилась неподъёмная глыба.

Выживать в одиночку тяжело, но если рядом есть кто-то ещё, мир перестаёт казаться таким враждебным.

Чу Суй привычно притянул А-Но к себе. Он принялся покрывать его лицо мелкими поцелуями: лоб, кончик носа, губы — нежно и настойчиво. Влажное тепло его дыхания щекотало кожу. Он шёпотом рассказывал супругу о Земле, делился мелочами, которые годами копились в его душе.

— Мой дом совсем не похож на это место, — шептал он. — Там закон един для каждого существа. Все равны, будь ты самец или самка. Если совершил проступок — неси наказание.

А-Но слушал, затаив дыхание. В какой-то момент он не выдержал и тихо спросил:

— Вам больше нравится ваш старый дом или этот мир?

— Старый дом, — не задумываясь, ответил Чу Суй.

Нельзя было отрицать: мир инсектоидов — настоящий рай для самцов. Никакого труда, никаких забот, всеобщее поклонение. Но Чу Суй понимал, что эта система, основанная на

абсолютной вседозволенности, была уродливой и обречённой на провал — причём как для самок, так и для самих самцов.

Иногда его охватывал безотчётный ужас: он чувствовал себя разумным существом, запертым в лесу среди диких зверей.

Самки годами копили обиды под гнётом притеснений, а самцы деградировали под защитой Империи. Последние всё больше напоминали породистый, но бесполезный скот, который рано или поздно сбросят с пьедестала.

Раньше юноша считал, что разрушение старого порядка — это благо, шанс начать всё заново. Но стоило ему вспомнить, что он и сам является частью этого «бесполезного скота», как энтузиазм угасал.

Он рассеянно поглаживал плечо А-Но, продолжая целовать его, пока не услышал сдавленный стон.

Тело самки было куда более чувствительным, чем тело самца, и этот процесс невозможно было контролировать. Тем более что Чу Суй, сам того не осознавая, начал выделять феромоны. Дыхание генерала сбилось, силы покинули его, а в синих глазах заблестела влага. Серебристые волосы рассыпались по подушке, а на нижней губе проступил чёткий след от зубов — он из последних сил сдерживал рвущиеся наружу звуки.

На фоне его бледной кожи губы казались неестественно яркими. Повелитель спохватился и замер.

А-Но зажмурился, пытаясь унять жар в крови, но влияние феромонов мужа было слишком сильным. Прошло немало времени, прежде чем его дыхание стало чуть ровнее, а на лбу выступила мелкая испарина.

Чу Суй неловко коснулся мочки своего уха. По правде говоря, он так и не научился до конца управлять своими феромонами. Его пальцы скользнули к воротнику рубашки супруга.

— Иди ко мне, — приказал он, маня его пальцем.

Собеседник мгновенно понял намёк, но замялся:

— Но ваши раны...

Чу Суй лишь хмыкнул. Он сел в постели и одним уверенным движением притянул А-Но к себе, заставляя его сесть напротив и смотреть прямо в глаза. Убрав влажные пряди с его лба, он с интересом произнёс:

— Тогда бери инициативу в свои руки.

В мире инсектоидов роли были распределены иначе, чем у людей, — самцы обычно не обременяли себя лишними усилиями. Однако Повелитель привык к иному порядку, и для генерала подобная смена ролей была в новинку.

Оказавшись в затруднительном положении, А-Но невольно сжал плечи мужа.

— Повелитель... — прошептал он дрожащим голосом.

Аромат феромонов в воздухе становился всё гуще.

Чу Суй осторожно надел цепочку на шею А-Но. Синий стеклянный шар лёг точно в ложбинку между ключицами. Тонкое серебро цепочки казалось почти невесомым на его коже, исчезая под воротником и поблескивая в полумраке.

Он прильнул к губам генерала, прошептав:

— Не бойся.

У Чу Суя были удивительные глаза, особенно когда он смотрел на тебя так пристально. Сердце А-Но пропустило удар. Тяжело дыша, он дрожащими пальцами расстёгнул оставшиеся пуговицы на рубашке и, обвив шею мужа руками, припал к его губам.

Инсектоиды никогда не отличались излишней скромностью в таких делах — холодные и неприступные самки не имели шансов на благосклонность господина.

На теле супруга вновь проступили витиеватые узоры. Его била мелкая дрожь, переходящая в спазмы — под действием феромонов он окончательно утратил самообладание. Чу Суй крепко обхватил его затылок, заглушая поцелуем рвущиеся наружу стоны.

На мгновение сознание А-Но померкло, спина выгнулась дугой, а затем всё напряжение разом ушло. Лишившись сил, он рухнул на грудь мужа, едва удерживаясь, чтобы не задеть его раны.

Вся дневная невозмутимость и холодность генерала разлетелись вдребезги. Его глаза покраснели, а голос стал надтреснутым и хриплым:

— Повелитель... Мой Повелитель...

Это слово словно приобрело для него новый смысл — он повторял его снова и снова, как молитву.

Чу Суй осторожно перевернул его на спину и лёг рядом, притянув к себе. Его пальцы скользнули по кулону на шее А-Но — знаку их общей тайны.

— Спи, — тихо произнёс он, закрывая глаза.

История с исчезновением Чу Суя вызвала небывалый резонанс и мгновенно попала в заголовки всех новостных каналов. Капе нанял лучших адвокатов и вёл себя вызывающе уверенно. Его наложницы взяли на себя большую часть вины, но их показаниям никто не верил — репутация их господина была слишком грязной. Сеть буквально бурлила от негодования.

Несмотря на ранение, Повелитель не стал отлёживаться. На следующее утро он, как ни в чём не бывало, собрался на работу. А-Но пытался его отговорить, но всё было тщетно.

Конечно, Чу Суй не внезапно вспылал любовью к труду. Он просто узнал, что сегодня Капе могут выпустить под залог, и намеревался перехватить этого подонка у здания штаба со знакомым «инструментом» в руках.

Надев куртку, он спустился к флаеру вместе с А-Но. Заметив, что тот всё ещё хочет что-то сказать, муж похлопал по сиденью рядом с собой:

— Сядь.

Генерал послушно сел, не оставляя попыток:

— Повелитель, ваши раны ещё не затянулись. Вам лучше остаться дома...

Договорить он не успел — рука Повелителя легла ему на плечо, притягивая в объятия. А-Но поднял взгляд и столкнулся с ехидным прищуром мужа.

— Тебе нравится, когда я тебя обнимаю? — в лоб спросил Чу Суй.

Бесстыдства ему было не занимать.

Уши А-Но мгновенно порозовели. Он сжал пальцы на коленях и едва заметно кивнул:

— Да. Нравится.

— Вот и отлично. Тогда помалкивай.

А-Но: «...»

Оставшуюся часть пути супруг действительно хранил молчание. Лишь когда они достигли здания штаба и Чу Суй направился к лифту, А-Но решился спросить:

— Повелитель, во сколько вы сегодня освободитесь?

Он задавал этот вопрос каждый день, хотя Повелитель не любил излишней опеки. Генералу приходилось разыгрывать «случайные встречи» у входа, что выглядело довольно нелепо: боевой генерал и рядовой регистратор никак не могли постоянно заканчивать работу минута в минуту.

Чу Суй поправил манжеты:

— Не стоит. Сегодня я сам зайду за тобой в кабинет.

Подождать пару часов было для него не проблемой.

Сердце А-Но пропустило удар. Пока он пытался осознать услышанное, двери лифта закрылись. Он стоял, глядя на цифры этажей, и в его душе рождалось странное, давно забытое чувство теплоты.

Повелитель постоянно выкидывал что-то из ряда вон выходящее: то лез в драку из-за него, то теперь вот решил заходить за ним на работу. В этом мире он был настоящим исключением из правил. Впрочем, были и более эксцентричные затеи... Например, засада с кирпичом.

Узнав, что Капе внёс баснословный залог и сегодня в полдень его отпустят под домашний арест на время следствия, Чу Суй не удивился. Он лишь присмотрел в штабной оранжерее ещё один подходящий декоративный камень и приготовился.

Раз уж закон не может обеспечить справедливость, он возьмёт её своими руками.

Юноша пришёл на десять минут раньше и затаился на пути к выходу из следственного блока. Камень был тяжёлым, поэтому он просто положил его у ног, терпеливо ожидая появления жертвы. Однако вместо Капе он внезапно увидел две до боли знакомые фигуры.

А-Но как раз выходил из зала совещаний с папкой документов под мышкой. Рядом с ним шёл Альвин. Они о чём-то негромко переговаривались, склонив головы друг к другу. С того места, где затаился Чу Суй, их беседа выглядела подозрительно доверительной.

Заметив, что они направляются в его сторону, Повелитель юркнул за угол лестницы. Выглянув спустя мгновение, он увидел, что генерал и Альвин вместе уходят в сторону медицинского

корпуса.

«Хм...»

Чу Суй почувствовал, что дело принимает нехороший оборот. Он уже начал накручивать себя, когда перед глазами внезапно всплыло окно Системы. Она буквально плюхнулась ему на макушку и с предельной серьёзностью выдала сообщение:

[Не волнуйся, рога тебе не наставили]

Чу Суй замер на полуслове.

«Твою мать... Я и без тебя знаю, что мне никто ничего не наставил! Обязательно было лезть?!»

— А ну брысь отсюда! — прошипел он в пустоту.

Тело Системы было мягким и холодным, и когда она усаживалась ему на голову, юноше казалось, что у него на макушке пристроилась куча слизи.

<http://bllate.org/book/15807/1439113>